

О. ШЕЛЛИНА (SHELLINA)

VI ТЪМ

ВЕНДЕТТА

I ЧАСТЪ

Литрес

О.Шеллина (shellina)

Вендетта. Часть I. Том VI

«Автор»

2024

О.Шеллина (shellina)

Вендетта. Часть I. Том VI / О.Шеллина (shellina) — «Автор»,
2024

Пётр Фёдорович стал императором. Вскоре ему предстоит коронация. И
надо так много сделать: для страны, для семьи... Но более всего он мечтает
отомстить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

О.Шеллина (shellina)

Вендетта. Часть I. Том VI

Глава 1

Ушаков остановился напротив дверей, ведущих в кабинет вице-канцлера, и внезапно поймал себя на мысли, что его рука ищет эфес шпаги, которую он уже несколько лет как не носил. Стоящий у дверей гвардеец покосился на главу Тайной канцелярии, заметив его жест, но ничего не сказал, вообще никак не отреагировал на него.

– Похоже, Алексей Петрович успел вызвать изжогу у многих славных сынов нашей Отчизны, – прошептал Ушаков, в свою очередь покосившись на гвардейца, затянутого кроваво-красный мундир английской армии. Сделав еще один шаг к дверям, он громко произнес. – Если господин вице-канцлер занят, то я подойду позже.

– Нет-нет, Андрей Иванович, Алексей Петрович строго-настрого приказал, как только вы явитесь, проводить вас в кабинет, – откуда-то сбоку выскочил молодой совсем парень, не старше Петра Федоровича, и принялся настойчиво приглашать Ушакова войти.

Андрей Иванович напряг память и припомнил, что видел его в Коллегии иностранных дел. Вроде бы его хотели отправить в Вену на замену Захару Чернышеву. Кажется, Дмитрий Волков его зовут, а отчество Ушаков не мог вспомнить. Он тогда зарубил его кандидатуру, слишком уж часто вице-канцлер привлекал молодого прапорщика к своим делам. Теперь, видимо, и вовсе приблизил к себе. Ушаков почувствовал, как у него дернулся уголок глаза. Раздраженно хлопнув себя по бедру, так и не найдя шпаги, он решительно пошел к двери, которая тут же перед ним распахнулась.

В кабинете Бестужев был не один. Напротив вице-канцлера сидел лорд Кармайкл, и держал в руке бокал с вином.

– Андрей Иванович, что-то долго ты собирался, чтобы навестить меня, – Бестужев приподнялся в своем кресле, отмечая, что Ушаков не соизволил даже поклониться, так пренебрежительно кивнул, словно кому-то из своих служащих.

– Да возраст, Алексей Петрович. Возраст, будь он неладен. Тебе бы тоже уже пора задуматься о том, что не вечны мы, со дня на день Господь может призвать нас к своему престолу. – Ответил Ушаков и без разрешения хозяина кабинета сел в третье кресло, выставив перед собой свою знаменитую трость, которую теперь носил чисто по привычке. – Смотрю я на тебя, Алексей Петрович, никак ты решил на себя взвалить тяжкую долю управления государством, пока его величество Петр Федорович воюет с королем Фридрихом?

– Тяжела ноша сия, но, если ни я, то кто? Павел Петрович слишком мал, Мария Алексеевна еще от болезни не оправилась, половина парламента или преставилась, или все еще от лихоманки этой отойти не может. И их, по заветам покойного Флемма в их же собственных домах заперли, да охрану приставили. А страной нужно ежедневно управлять, иначе все может прахом пойти, – Бестужев улыбнулся краешками губ и наставительно поднял вверх указательный палец. Вот только глаза у него оставались холодными и цепкими. Словно кожу снимали, чтобы нутро вывернуть и посмотреть, чем живет собеседник.

Однако и Ушаков тоже был не робкого десятка. И при дворе ни один десяток лет уже состоял. Да и Тайную канцелярию ему не просто так доверили. Так что, если хотел Бестужев запугать его, то зря только щеки надувал, все его слова не произвели на Ушакова ни малейшего впечатления. Андрей Иванович сплел пальцы между собой и сложил руки на животе, скорчив мину, которую всегда у любого старого брюзги можно наблюдать.

– Не жалеешь ты себя, Алексей Петрович, совсем не бережешь. Отдохнуть бы от трудов праведных, так ведь нет, весь в делах, весь в заботах. Одного не могу никак понять, а чего ты меня к себе позвал? Неужто хочешь, чтобы пожалел я тебя, да еще в обществе после английского?

– Хватит шута из себя корчить! – Бестужев стукнул кулаком по столу.

– Отчего же не покорчить? Всегда нужно шутовской колпак на себя примерить. Жизнь-то она такая, дюже непредсказуемая, уж Никита Федорович Волконский много об этом рассказать бы нам мог. Или же Михаил Алексеевич Голицын. Ты тогда, Алексей Петрович все по заграницам мотался, на свадьбе этой позорной в ледяном дворце участия не принимал. А зря. Тогда бы ты все знал про то, что в России не только от суммы и от тюрьмы зарекаться не стоит, но и от шутовского колпака. Хотя, зная Петра Фёдоровича, думаю, что минет нас чаша сия. – Ушаков не сменил позу, продолжая сидеть с видом доброго дядюшки, который приехал к родственникам погостить. – Так зачем ты позвал меня к себе, Алексей Петрович? Уж не для того, чтобы о былых временах поговорить, это я по роже твоей бесстыдной вижу.

– Ну, раз на оскорбления перешел, значит, понимаешь, или же шпионы твои тебе уже донесли, что распустить я хочу Тайную канцелярию...

– А вот шиш тебе, – Ушаков приподнялся в кресле, сложил фигуру из трех пальцев и сунул ее прямо под нос Бестужеву, который даже глаза свел к переносице, чтобы лучше ушаковский шиш рассмотреть. – Никто не может упразднить Тайную канцелярию, кроме государя законного. Даже Сенат и тот не может с детищем Петра Фёдоровича ничего сделать. Как и меня снять и отправить в мое поместье отдыхом заслуженным наслаждаться, тоже никто не может, кроме самого Петра Фёдоровича. Вот ежели он самолично призовет меня к себе и скажет, что стар я стал и пора бы уже на покой, вот тогда я без колебаний приму свою отставку. А пока, выкуси, Алексей Петрович, – покрутив шишом перед носом Бестужева еще некоторое время, Ушаков встал и, опираясь на трость, направился к двери. Уже подойдя к ней и даже взявшись за ручку, он развернулся и посмотрел на Бестужева тяжелым взглядом, напрочь игнорируя при этом англичанина, словно Кармайкла в кабинете и вовсе не было. – На твоём месте, Алексей Петрович, я был бы более разборчив в выборе друзей. Война закончится рано или поздно, и государь вернется, и со всей строгостью спросит со всех нас, как в его отсутствие мы дела вели. И, боюсь, кто-то может серьезно пострадать. Потому что Петр Фёдорович не Елизавета Петровна и никому он не клялся, что никаких казней в его правление не произойдет. – С этими словами Ушаков вышел из кабинета, оставив Бестужева с ненавистью смотреть на закрывшуюся за ним дверь.

– Он что мне сейчас угрожал? – вице-канцлер сел и протер лоб под париком, после чего бросил платок на стол. – Ничего с ним нельзя сделать, господин Кармайкл. Этот старый лис еще долго нам всё будет портить.

– Ну, я так не думаю. Господин Ушаков сам сказал, где нужно искать – в указе о создании Тайной канцелярии и назначении её главы. Кроме того, господин Ушаков человек в возрасте, мало ли что с ним может произойти. Его клуб весьма злчное место, туда могут и весьма вспыльчивые люди попасть, – и англичанин улыбнулся, после чего пригубил вино. Бестужев же долго смотрел на него, прежде, чем кивнуть в знак согласия.

Ушаков, вернувшись в Петропавловскую крепость, которая за это время перестроилась и теперь взмывала ввысь, возвышаясь над всеми другими зданиями Петербурга, иначе она не вмещала все отделы, созданные во время реорганизации, зашел в свой кабинет, расположенный в центре массивного здания, которое, несмотря на высоту, казалось приземистым. К нему тут же заскочил адъютант, подхватив тяжелый плащ и шляпу, на которых лежал снег.

– Ломова найди, быстро, – прошипел Ушаков, окончательно утративший облик доброго дядюшки.

– Так он отбыл с секретным заданием от его величества, – напомнил Ушакову адъютант, которого иногда удивляло, каким образом Андрей Ломов сумел так высоко и быстро взлететь.

– Да, точно. Вот дурья башка, как я мог забыть? – Ушаков потер лоб. – Тогда позови сюда Оленьева. И прикажи карету заложить. До Ораниенбаума. Мне нужно с Марией Алексеевной поговорить. Настроение ее увидеть, да предупредить. И желательно всё это сделать лично. – Адъютант наклонил голову и вышел из кабинета, унося с собой плащ и шляпу. Через десять минут, во время которых Ушаков стоял у окна, глядя на то, как падает снег, в кабинет вошел настоящий щеголь Александр Оленьев.

– По вашему приказанию прибыл, Андрей Иванович, – он отвесил четкий придворный поклон, умеренной глубины, соответствующий положению Ушакова. Глава Тайной канцелярии только хмыкнул, когда увидел это и оценил.

– Саша, Кармайкл выезжает на охоту? – Оленьев долго смотрел на своего шефа, а затем кивнул. – Он тебя ни в чем не подозревает?

– Нет. Я беру взятки, гуляю на широкую ногу, и вообще сижу у посла на коротком поводке, – Оленьев улыбнулся. Он все еще не мог себе простить, что пропустил диверсию во дворце. С другой стороны, это было не его дело, обо всех подозрительных вещах он сообщал Ломову, а что уж тот делал с этой информацией, его не слишком волновало.

– Думаю, лорду Кармайклу очень нужно поехать на охоту на медведя. Просто необходимо. Настоящая первобытная битва: разбуженное чудовище против варваров, которые зачем-то надели на себя кружева.

– И очень опасное зрелище, – Оленьев тонко улыбнулся. – Весьма опасное. Неопытный охотник может и пострадать.

– Неопытный охотник может даже погибнуть, – Ушаков вернул ему улыбку. – Такая трагедия. Я даже пушу слезу.

– Я обязательно организую охоту для лорда Кармайкла как можно быстрее, – отвесив прощальный поклон, Оленьев выскользнул из кабинета. Ушаков же подошел к окну, снова глядя на снежинки.

– Ну где черти носят этого мальчишку, когда здесь всё так сложно и запутанно?

– Вы приглашены на вечер к прекрасной Жанне? – Вольтер стоял, облокотившись на каминную полку и смотрел на своего младшего коллегу по ремеслу, который только-только начал что-то собой представлять, благодаря его покровительству и покровительству Монтескьё.

– Да, и я просто не знаю, как к этому относиться, – Мирабо потер руки и протянул их к огню, внезапно ощутив озноб.

– Идите, мой друг, обязательно идите, там непременно будет король, так что у вас вполне есть шанс понравиться его величеству и пробиться к самым вершинам. Да, еще я слышал, что Жанна принимает каких-то русских, а в связи с последними данными о поражении короля Пруссии и захвате его столицы, это становится весьма модным, заполучить к себе на вечер кого-то из России и не посла. Похоже, что Жанне снова удалось стать первой в этом нелегком деле. – Монтескьё закашлял и потянулся за чашкой горячего глинтвейна. – Жаль, что моя простуда, будь она неладна, не даст мне присутствовать на этом приеме. Жанна туда даже героя нынешней войны, виконта де Крюшо умудрилась вытащить.

– Так ведь граф де Лалли все еще находится на территории Священной Римской империи, – Вальтер переменял позу. Он уже устал вот так стоять, но сесть тоже не мог, ему не позволял тот образ, над которым он трудился столь продолжительное время.

– Насколько мне известно, виконт был ранен и отправлен для долечивания на родину, – Монтескьё задумался. – Король дал Жанне титул маркизы, он впервые настолько высоко оценивает женщину в своей постели. У нее сейчас появилась реальная власть, так что, дорогой

мой Виктор, вы теперь с этой дамой на равных, – наконец, выдал он. А маркиз Мирабо нахмурился. Слухи про то, что Людовик подарил Жанне поместье Помпадур, распространились уже давно, но то, что к поместью прилагался титул маркизы, он как-то упустил, занимаясь научными изысканиями и философскими измышлениями.

– Вот как, – Вольтер поджал губы. – Последние поколения монархов, с легкостью торгующих титулами и должностями, с такой же легкостью раздающих их своим шлюхам и ублюдкам, обесценивают само понятие дворянства.

– Поосторожней с такими словами, друг мой, – Монтескьё снова отхлебнул глинтвейна. – У стен тоже, случается, есть уши. А дворец правосудия работает без выходных.

– А почему, собственно, мы должны молчать? Лично я считаю, что пора бы снова обратиться Генеральным штатам, – запальчиво произнес Вольтер. – Король должен выслушать чаянья представителей всех сословий. Иначе, я просто не представляю, в какую пропасть в итоге скатиться наше великое, я не побоюсь этого слова государство.

– То, что вы нередко высказывались в пользу конституционной монархии, еще ни разу не пошло вам на пользу, мой друг, – покачал головой Монтескьё. – Сколько раз вас помещали в Бастилию, а то и вовсе выдворяли из страны?

– Боже, мне нравочения читает тот, чей трактат «О духе закона» запретили во всех странах Европе. Кстати, что там произошло с издателем, несчастным швейцарцем, который рискнул опубликовать сей труд? Его всего лишь арестовали, или все-таки казнили в назидание остальным?

– Ваша желчь, в которую постепенно превращается ваше блестящее остроумие, однажды вас погубит, вот, помяните мое слово, – Монтескьё поднял вверх указательный палец.

– Господа, не нужно ссориться, – Мирабо постарался сгладить назревающий конфликт между двумя весьма уважаемыми им людьми.

– Это не ссора, любезный маркиз, это всего лишь спор двух умов, со схожими взглядами, – Вольтер улыбнулся молодому ученому. – А в споре, как известно, рождается истина. Но, наверное, мы действительно слегка разошлись. Так вы идете завтра к маркизе де Помпадур на ее вечер?

– Да, по глубокому измышлению я решал все-таки посетить этот вечер. К тому же мне интересно из первых уст услышать все подробности про эту странную войну, – Мирабо вздохнул с облегчением, услышав, что никакой ссоры нет. Он пришел в этот дом, чтобы посоветоваться с Монтескьё, и вовсе не ожидал увидеть здесь Вольтера, которого в очередной раз простили и даже даровали какую-то придворную должность. Не то, что он не был рад встречи с Вольтером, но все же мог не признать, что порой его язвительные замечания приносили больше вреда, чем пользы и самому Вольтеру и тем людям, что его окружали.

Монтескьё снова закашлялся, и его собеседники замолчали, думая каждый о своем. Под окном парижского дома Монтескьё прогрохотала карета, и остановилась. Этот звук не был неожиданным, поэтому находящиеся в комнате люди не обратили на него никакого внимания. Но вот стук в дверь заставил насторожиться. Оставалась, правда, надежда на то, что стучат в дом по соседству, но прошедший в прихожую лакей развеял эту надежду.

– Вы еще кого-то ждете? – Вольтер посмотрел на хозяина дома, который в это время подносил ко рту бокал с уже остывшим глинтвейном. Монтескьё покачал головой.

– Но, я и вас не ждал, друзья мои, хоть вы и доставили мне невероятный сюрприз, скрасив своим присутствием мои тягостные будни. – Сказав это, хозяин дома замолчал, и все трое прислушались в тому, что происходит на первом этаже, где и был расположен вход в дом. Спустя довольно непродолжительное время, раздался звук шагов на лестнице, и дверь в комнату, которую сам Монтескьё называл гостиной, отворилась.

– Граф Романов, господин барон. – Сказал лакей и быстро вышел, пропуская в комнату гостя. «Хорошо еще этот болван догадался у гостя забрать плащ и шляпу», – раздраженно подумал про себя Монтескьё, разглядывая вошедшего.

Незванным гостем оказался юноша лет восемнадцати-двадцати на вид, с белокурыми волосами, коротко постриженными, что смотрелось очень необычно, особенно на фоне того, что юноша не носил парик. Как и все блондины юноша мог бы выглядеть невзрачным, если бы не загар, накрепко прилипший к коже лица, который оттенял светлые глаза, делая их более выразительными. А когда он только вошел, хозяина дома поразило суровое, можно сказать жесткое выражение, застывшее на этом юном лице, которое никак не вязалось с его возрастом. Но это выражение настолько быстро сменилось восторженным, что Монтескьё решил, что ему показалось, и это игра света из камина сыграла с ним злую шутку. Юноша тем временем сложил руки на груди и на отличном французском языке произнес.

– Господин барон, как я счастлив находиться здесь и лицезреть вас воочию. Вы даже не представляете, насколько преданным вашим поклонником я являюсь.

Пока мы ехали через миллион различных герцогств, княжеств и маркграфств, я окончательно запутался в них, особенно в их названиях. Все эти образования, являющиеся отдельными государствами и обладающие видимостью суверенитета, были настолько нелепы, настолько убоги, что я даже не пытался в них разобраться и тем более запомнить.

Видя их бедность, когда из самого ценного владельца полуразрушенных замков обладали лишь именем и огромным гонором, я вполне мог предположить, что польская королева в девичестве действительно сама себе чулки штопала. Хотя в этом предложении от каждого слова несет какой-то неправильностью. По сравнению с этими герцогствами моя Гольштиния выглядит ого-го какой охренительно большой и серьезной. А уж когда Дания вернет мне Шлезвиг, то и вовсе будет вполне себе неплохая губерния.

– О чем вы думаете, ваше величество? – прервал мои размышления напряженный Гюнтер. Которому не нравилось, что мы поперлись куда-то, и поперлись куда-то практически без сопровождения. Сорок гвардейцев, не считая Лопухина, назначенного командиром, по его мнению, было чертовски мало.

– Я думаю о том, что убрать Ганновер с карты мира можно лишь в одном случае, если исчезнет такое образование, как Священная Римская империя. Тогда он станет всего лишь одним из этих ста тысяч герцогств, которые мы уже проехали, – я посмотрел на него, отметив, насколько он напряжен. – Расслабься. Мы всего лишь путешествуем. И к его императорскому величеству не имеем никакого отношения.

– Почему вы решили назваться графом?

– Вообще-то, я хотел назваться князем, но ваши общие вопли, наверное, услышали в Париже, так что пришлось остановиться на графе, – я отодвинул штору с окна кареты, чтобы посмотреть, где мы вообще едем.

– Я имею в виду, почему вы не взяли себе другое имя? – Гюнтер сложил руки на груди. – Вы хоть понимаете, насколько это опасно?

– Для меня опаснее сейчас было бы в Петербурге, как это ни странно, – я вздохнул. – А имя... Гюнтер, для господ из Парижа, все русские имена – это производные от одного – варвар. Даже, если кто-то и заметит, что оно вроде бы похоже на то, что должно быть у русского царя, то всегда можно сказать, что мы однофамильцы. Но, уверяю тебя, таких будет немного. – Я снова посмотрел в окно. – Мы уже подъезжаем к Парижу, и никто даже не почесался.

– Но зачем мы едем в Париж? – всегда сдержанный Гюнтер только за грудки меня не схватил и не начал трясти.

– Как это, зачем? Нам нужен союзник в борьбе в Англией, а у французов как раз какие-то непонятные шевеления насчет колоний, да и старая неприязнь должна о себе дать знать.

Франция хорошо подойдет для такого союза. – Я с задумчивым видом задернул штору на окне и повернулся к Криббе. – Они ведь мне даже попрощаться не дали, сволочи. Я им того, что они сделали, никогда не прощу.

– Почему-то мне кажется, что это еще не всё, – Гюнтер покачал головой. – Вы не просто хотите союз с Францией заключить против англичан, иначе, зачем вы поехали туда лично?

– Я хочу прощупать почву... Неважно, это всего лишь предположение. – Я замолчал, продолжая глядеть в окно.

Робеспьер и иже с ним еще даже не родились, вот в чем дело. И я могу пока действительно только посмотреть на родоначальников идей революции, чтобы потом решить, стоит ли подтолкнуть ее свершение, или наоборот задавить в зародыше, сконцентрировавшись на бесконечных мятежах в колониях. Ведь там есть кому устраивать мятежи: от местных жителей до колонистов. Можно же вообще пойти на социальный эксперимент и каким-то образом помирить аборигенов с колонистами, чтобы они конкретную бучу против метрополии развязали. Хотя, такое даже чисто теоретически невозможно. Надо думать. Это все дело будущего, но прикинуть что к чему нужно именно сейчас.

– Дело в том, что, когда все закончится, раздутая от самомнения Франция мне тоже не слишком нужна, потому что месье не упустят возможности попытаться диктовать нам, как жить дальше. А для того, чтобы они не отвлекались на Российскую империю, надо будет их делом занять, чтобы не до того им было, совсем не до того. – Криббе недоверчиво посмотрел на меня, но ничего не сказал, потому что после Голландии, он уже ни в чём не был уверен.

В Париже мы сняли дом, неподалеку от городского дома мадам де Помпадур. Этот особняк принадлежал принцу Конде, но тот не любил именно его, видимо с ним была связана какая-то неприятная принцу история. Поэтому, чтобы снять особняк, особенно, когда у тебя есть деньги, не представляло проблемы. Деньги у нас были. Нам их любезно одолжил король Фридрих, когда мы выносили из его дворцов всё самое ценное и отправляли в Петербург под хорошей охраной.

Дальше было самое сложное, нужно было столкнуться с очаровательной Жанной, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что это произошло случайно. Для этой цели я использовал сад Тюильри, где она любила прогуливаться. В посольство мы не обращались, потому что уж кого-кого, а посла сложновато было бы убедить в том, что я некий граф Романов.

Зачем нужны были такие сложности? Да все просто: мне нужно было увидеть почти искренние реакции Людовика, Жанны, которая прекрасно может на него давить, да и всех ближайших придворных и советников. Эта самая реакция в обстановке обычного вечера у фаворитки Людовика скажет гораздо больше, чем тонна писем, которыми мы обменяемся. Ведь вполне может так случиться, что я, потеряв несколько недель не совершу самую большую ошибку в своей жизни, подставив под удар всю страну. И это знание сторицей компенсирует потерянное время.

Так что я весьма скоро напросился к Жанне в гости – это стоило мне букета цветов, ожерелья, опять же из дворца Фридриха, и взглядов страдающего бассета, который влюблен до конца жизни. Ну, и после того как я получил приглашение посетить мадам, разузнав адрес Монтескьё, я отправился к нему. Времени на посещение Парижа я отвел себе немного, поэтому не хотел терять ни минуты.

Глава 2

Великая княгиня Мария Алексеевна с остервенением вырвала сорняк и бросила его в стоящую рядом корзину. В последнее время она много времени проводила в оранжерее, ухаживая за растениями, замечая, что ей становится лучше, когда она не сидит в душной комнате, а гуляет на улице или приводит в порядок оранжерею, которую в ее отсутствие слегка запустили.

– Это просто невыносимо! Вокруг что-то происходит, но мне ничего никто не говорит! Теперь и вовсе заперли в Ораниенбауме, по приказу Петра, но, Аня, я не видела даже огрызка бумаги, на котором было бы написано повеление, – очередной сорняк полетел в корзину. – Ломов сбежал, как только мы его немного приперли к стенке, да так быстро, будто я воплощение самого дьявола, а ты его ближайший слуга. Это заговор? Но почему мне не известны подробности? Я не могу помочь Петру, сидя здесь! – Мария резко поднялась, и у нее на мгновение закружилась голова. Проклятая болезнь все еще давала о себе знать. Анна Татищева бросилась было, чтобы поддержать ее, но Мария самостоятельно справилась с головокружением и встала прямо, глядя на своего секретаря. – Нам нужно выяснить, что происходит. Я вовсе не бесполезное создание, предназначение которого рожать детей и сидеть улыбаясь, как кукла. Во мне течет кровь германских воинов, и я совсем не хуже этой банной мочалки Луизы Ульрики! – Анна молчала, про себя лишь отмечая, что между Луизой Шведской и практически императрицей Российской империи никогда не будет мирных и дружеских отношений. Но так оно всегда бывает, когда две женщины равнодушны к одному мужчине. А Мария тем временем продолжала выговариваться, чтобы хоть маленько сбросить всю ту меланхолию, которая напала на нее после долгой и тяжелой болезни. – Ладно, вы хотите, чтобы я рожала детей. Но вот вопрос, от кого я должна рожать детей, если моего законного супруга где-то черти вот уже какой месяц носят? Почему-то женщины еще не научились в отсутствии мужчины беременеть. Аня, я знаю, что у тебя нежные чувства к Ломову. Может быть, он тебе что-то говорил?

– Нет, ваше величество, Андрей ничего мне не говорил, – покачала головой Анна. – Он только сказал, чтобы мы все время находились здесь, потому что это безопасно.

– У меня голова скоро лопнет, – пожаловалась Мария. – Ушаков, да тот же Ломов постоянно говорят про какую-то опасность, но никто не объясняет, что именно они имеют в виду. Как я могу чего-то опасаться, если не знаю, чего именно мне опасаться?

– Думаю, что дело в лорде Кармайкле, – задумчиво произнесла Анна.

– А мне кажется, что не только в нём. – Мария задумчиво осмотрела оранжерею. – Вот что. Я так давно не получала писем от своих дорогих сестер, наверное, пора бы мне уже им написать.

– И кому же именно вы хотите написать, ваше величество? – Анна сняла перчатки, в которых она помогала Марии в её непростой борьбе с сорняками.

– Марии Амалии, королеве Неаполя и Сицилии. А также Марии Жозефине. В последнем письме от моей матери проскользнули интересные намеки на то, что Марию Жозефину хотят выдать замуж за дофина, якобы в этом случае Франция станет претендовать на Саксонию. Но ведь это невозможно! Потому что Российская империя претендует на Саксонию. В конце концов, я старше Марии Жозефины. С другой стороны, зная своего отца, я могу предположить все, что угодно, – добавила Мария мрачно. – Он вполне мог обещать уже проигранные земли хоть двум претендентам, хоть трем.

– Простите, ваше величество, но во сколько лет ваша сестра вышла замуж? – Анна недоверчиво покачала головой. Она знала, что разница между сестрами не слишком большая. Слы-

шала она и о том, что в Европе девушек могут выдавать замуж очень рано, вот только насколько рано, она пока не представляла.

– Марии Амалии исполнилось четырнадцать, когда ее выдали за Карла. Марии Жозефине столько же. Я была практически перестарком, когда Пётр, наконец, решил связать наши судьбы браком. Мама уже плакала, и говорила, что меня ждет монастырь, потому что синие чулки никому не нужны, – Мария усмехнулась, и ее усмешка в этот момент стала просто чудовищно похожей на усмешку Петра.

– Насколько мне известно, Пётр Фёдорович наоборот ждал, когда вы войдете в разрешенный церковью для венчания возраст, и то, для вас сделали исключение, – Анна забрала грязные перчатки у Марии и бросила их в корзину с сорняками.

– Я знаю об этом, – Мария вздохнула.

– Я вам понадобится в ближайшее время, ваше величество?

– Пока нет, – Мария покачала головой, направляясь к выходу из оранжереи, уже обдумывая в голове, что напишет сестрам.

Анна Татищева же поспешила к галерее, где её ждал Турок. Они очень сблизились в то время, когда практически выкрали из Петербургского дворца Великого князя Павла Петровича, а затем и Марию Алексеевну. Бестужев категорически не хотел отпускать пока еще Великую княгиню, а сама Мария была в тот момент слишком слаба, чтобы сопротивляться.

– Андрей, – Анна подошла к нему, стараясь заглянуть в глаза. – Надо что-то делать. Мария Алексеевна окончательно поправилась, но, её деятельная натура не позволяет ей оставаться долго на одном месте. Она уже придумывает себе различные заговоры и пытается найти какое-то разрешение оных.

– Ничего, не волнуйся, скоро Андрей Иванович приедет и поговорит с ней. Думаю, что он сумеет образумить её величество. Если уж с Елизаветой Петровной получалось, то и здесь получится. – Он улыбнулся. – Аня, я уезжаю. Его величество поручил мне чрезвычайно важное задание, так что... – он развел руками. – Когда я приеду, то планирую поговорить с твоим отцом. Надеюсь, что его величество окажет мне в этом поддержку. – Он поднял ее руки и поцеловал пальцы.

– Ты только вернись, а папеньку я сама уговорю, – Анна теперь очень хорошо понимала Марию, которая места себе не находил в отсутствие мужа. – Это самое ужасное, ждать.

– Ничего, прорвемся, я тебе еще успею надоесть, – и Турок отпустил девушку, направляясь к выходу, где уже стоял оседланный конь. В последнее время Турку начало казаться, что он сросся с седлом, так часто приходилось ездить по делам.

Андрей Иванович Ушаков приехал в Ораниенбаум как раз в то время, когда Мария закончила писать второе письмо, и запечатала его печатью. Он прошел напрямик к кабинету Великой княгини, возле которого на страже стояли два гвардейца.

– Извините, Андрей Иванович, но без доклада никак нельзя вас впустить, – один из них перегородил путь Ушакову, а второй тем временем исчез в кабинете.

Охрану в поместье несли те, кто в свое время начинал охранять Великого князя вместе с Назаровым. Точнее, Назаров тогда постигал эту нелегкую науку набивая шишки и вразумляя своих подчиненных. Но в тот раз что-то случилось, и теперь остатки того полка составляли дворцовую гвардию, как назвал их Пётр Фёдорович, вот только дворцовой эта гвардия оставалась лишь на территории бывшего Молодого двора. Зато здесь охрана была поставлена на приличном уровне. По приказу Петра многие моменты помогал решать Турок, который указывал уязвимые места, требующие особого контроля.

Всё это Ушаков отметил, когда шел к Марии. Его несколько раз останавливали, да и на всем протяжении своего движения Андрей Иванович ощущал, словно чьё-то незримое присутствие сопровождает его, отслеживая каждый шаг. Ощущение было неприятное, но, в то же

время Ушаков испытывал удовлетворение. Здесь действительно лихим людям было бы сложно прорваться к августейшей семье.

– Можете пройти, Андрей Иванович, только трость придётся здесь оставить, – заявил второй гвардеец, вернувшись из кабинета.

– Вот даже как, – Ушаков протянул ему трость и нарочито хромя пошел к открывшейся двери.

– Времена нынче такие, Андрей Иванович, уж не обессудьте, – попытался сгладить впечатление гвардеец.

– Да я не в претензии. И это хорошо, что государь дворцовую гвардию велел вывести из-под надзора Тайной канцелярии, а то как бы вы у своего начальника сейчас трость забирали? – и Ушаков зашел в кабинет. Дверь за ним закрылась, но не плотно, что тоже не ускользнуло от его взгляда. – Доброго здоровьишка, ваше величество, Мария Алексеевна.

– И вам не хворать, Андрей Иванович, – Мария пристально смотрела на Ушакова и сейчас перед ней стоял только один вопрос, стоит ли доверять начальнику Тайной канцелярии, или он каким-то образом причастен к заговору, который она ощущала всеми внутренностями. – С чем вы пожаловали ко мне?

– Позвольте ли сесть старику, ваше величество? Тем более, что мордovorоты у ваших дверей трость у меня отобрали. – Ушаков готовился к этому разговору, но сейчас не знал с чего начать.

– Я немедленно прикажу вам ее вернуть, – Мария встала и уже сделала шаг к двери, как Ушаков ее остановил.

– Не стоит, ваше величество. Так вы обесцените всё то, чего добивался Пётр Фёдорович. Он вам точно не скажет за это спасибо, когда вернется.

– Тогда садитесь, Андрей Иванович. Насколько мне известно, вы имели полное право сидеть в присутствии Елизаветы Петровны. Не будем нарушать традиции, – и Мария указала на кресло, сама же села в то, с которого недавно вскочила. – Вы ведь не просто так проделали этот путь, чтобы проверить как обстоит дело с охраной?

– Вы удивительно проникательны, ваше величество, – Ушаков сел, остро сожалея, что у него нет трости, которой он привык манипулировать, как дамы веером. – Скажите, ваше величество, вас не посещал Алексей Петрович Бестужев? Может быть, хотел выразить свои соболезнования в связи с утратой Елизаветы Петровны? Или же еще какие пожелания высказывал?

– Почему у меня появилось ощущение, что вы меня допрашиваете, Андрей Иванович? – Мария обхватила себя за плечи, словно на мгновение ощутив холод Петропавловских казематов. – Нет, вице-канцлер не почтил меня своим визитом. Ни сейчас, ни в то время, когда я болела, и думала, что пришел мой последний час. Меня, кстати, никто тогда не навещал. И вы в том числе, – в её голосе прозвучали явные упрек и обида.

– На то были весомые причины, ваше величество. Вы должно быть не в курсе, потому что лежали в полузабытье, но Давид Флемм, царствие ему небесное, сумел убедит Елизавету Петровну подписать ее последний указ, в котором чётко было сказано, что никто не может покинуть дворец, и никто не может в него войти, пока признаки болезни не пойдут на спад. Ломову с Анной Татищевой с трудом удалось вынести наследника до того момента, как Павел Петрович мог захворать.

– Нужно их наградить, – Мария приложила руку к животу, ощутив внезапную изжогу. Как бы она жила сейчас, если бы с ее сыном что-то случилось?

– О, нет. Пускай радуются, что их не наказали, – Ушаков покачал головой. – Как бы то ни было, они нарушили приказ императрицы, пускай даже действовали из лучших побуждений. Так значит, Бестужев вас не посещал, и никто из преданных ему людей не сделал этого?

– И у меня снова появилось ощущение, что вы меня допрашиваете, – Мария слабо улыбнулась.

– Я предан всей душой Петру Фёдоровичу, а его жизнь и будущее правление сейчас находятся под угрозой, – Ушаков продолжал пристально смотреть на Марию. – Я нисколько не сомневаюсь в вашей верности, ваше величество, но моя служба обязывает меня видеть везде ростки сомнений.

– Вы зря пытаетесь разглядеть эти ростки во мне, Андрей Иванович, – Мария покачала головой, словно откровенничаясь от подозрений Ушакова. – Хотя, я вас понимаю, правда, понимаю. Учитывая, чьей дочерью я являюсь, трудно заставить себя верить мне безоговорочно. Сейчас наступили сложные времена, как нам не допустить, чтобы снова наступила смута?

– Если я скажу вам, что вице-канцлер пытался распустить Тайную канцелярию, а меня самого выгнать на улицу, и, скорее всего, попытается убить, вы мне станете больше доверять? – Ушаков откинулся в кресле, сложив сцепленные руки на животе.

– Ваш человек не дал погибнуть моему сыну, и меня саму вывез ночью из Петербурга, – Мария приложила ладонь к пылающему лбу. – Мне и этого хватит, чтобы не заподозрить вас в измене. – Она решительно протянула ему письма. – Вот, у вас лучше получится отослать эти письма, чтобы они попали адресатам, и привезти ответы. Я по мере своих сил пытаюсь помочь найти корни заговора не в России. Я только одного не понимаю, почему вы не арестуете вице-канцлера и не бросите его в казематы, чтобы он там дожидался возвращения Петра?

– Потому что я не знаю всех, кто в этом замешан, – Ушаков провел рукой по лицу. – Боюсь, эта зараза далеко проникла, и у нас нет Флемма, который бы сумел ее изолировать. Скоро к вам придут, ваше величество. Не отказывайтесь сразу от их предложений, возьмите паузу, скажите, что вам надо все тщательно обдумать. Нам нужно постараться выявить всех заговорщиков до того момента, как вернется государь.

– Почему так, Андрей Иванович? Почему на него кто-то так обозлился? Ведь Пётр ничего плохого никому не делал, – Мария заломила руки. Впервые с того момента, как она оказалась в России, ей было настолько страшно. Ещё совсем недавно она сетовала на то, что её держат в неведение. Сейчас бы она многое отдала за возможность в этом неведение оставаться.

– Один его проект манифеста о службе Отечеству может многим показаться несправедливым, – Ушаков поднялся из кресла. Ему предстояло очень много работы. Да еще и работать нужно было почти вслепую. Он не был даже уверен в том, что и в Тайной канцелярии нет никого из заговорщиков.

– Какой манифест? – Мария непонимающе посмотрела на него.

– О, вы не видели его? Я пришлю вам, почитаете. Но, если вкратце, в этом манифесте, Петр Федорович упраздняет любую причину, по которой дворянин может не служить своей стране. Даже увечье или болезнь не принимаются в расчет. Не можешь проходить службу на поле брани – подберём то, что по силам. И если дед его Пётр Алексеевич оставлял некоторые исключения, то Пётр Фёдорович убрал последние. Служба солдат до пятнадцати обязательных лет сокращается, и, угадайте, ваше величество, сколько лет должен посвятить Отечеству человек, чтобы иметь право и дальше называть себя дворянином?

– Пятнадцать? – Мария сильно захотела увидеть эту бумагу. Действительно, за такое вполне могли убить. – А он женщинам не придумал службу организовать?

– Хм, – Ушаков только многозначительно хмыкнул. – Проблема в том, что он думал, будто у него есть время, чтобы все подготовить для принятия этого манифеста, который Пётр Фёдорович готовил к своей коронации. Что лет пятнадцать, а может быть и все двадцать у него есть в запасе. Этого времени хватило бы, чтобы плавно подвести дворян к подобной мысли. Вот только это время у него отняли. А проект манифеста остался. Как и другие наработки, которые тоже ничуть не понравятся нашим помещикам, коим в последнее время постепенно ослабляли удила.

– Но откуда те, кто пошёл за Бестужевым вообще о них узнали? Если это только проекты, то, есть большая вероятность, что они никогда не станут указами.

– А вот это-то нам и предстоит выяснить, – Ушаков пошел к двери, чувствуя, что у него от переживаний разболелась давно не беспокоящая его нога. – Старайтесь не покидать поместье. Здесь у вас очень хорошая охрана. Боюсь, она может вам пригодиться. За письма не беспокойтесь, они попадут к адресатам. – Ушаков вышел за дверь, а Мария достала скверно нарисованную миниатюру, на которой был изображен портрет Петра. Обращаться к изображению было проще, так она сама себя не воспринимала, как сумасшедшую.

– Где же ты? Тут такое начинает затеваться, а тебя всё нет и нет.

– Господин граф, почему вы не танцуете? – я обернулся к подошедшей ко мне маркизе де Помпадур.

– Потому что, мадам, я так скверно танцую, что все присутствующие здесь дамы будут желать мне смерти, за свои истоптанные ножки. А я ещё слишком молод, чтобы оставлять этот мир, – я старательно улыбнулся и прикоснулся губами к пальцам маркизы, едва сдержавшись, чтобы не сплунуть на пол, настолько руки у неё были надушены. Похоже, что таким образом мадам метит свою территорию.

– А вы шутник, дорогой мой граф, – она рассмеялась.

– Да вот такой я весёлый человек, – я развел руками.

– Но, что же нам делать? Я не могу допустить, чтобы кто-то на моем вечере скучал. Это, мой милый граф, может нанести удар по моей репутации. – Похоже, маркиза забыла мое имя. Хорошо еще, что титул легко запоминался, и знание его, было выходом почти из всех ситуаций.

– Я ничуть не скучаю, – запротестовал я вполне искренне. Мне некогда было скучать, я переваривал то, что мне удалось узнать у Монтеस्कё.

А узнать мне удалось следующее: несмотря на определенный рост недовольства правительством, больше в кругах буржуазии, что интересно, ничего никто пока поднимать не стал бы. Нет, при определенном подогреве и вливании определенного количества средств, можно было бы что-то замутивить, например, все-таки заставить Генеральные штаты собраться, а там бы слово за слово, и покатилося бы. Но пока это было не ко времени. И если в той же Америке бунт уже в принципе созрел, и его можно было всего лишь чуть-чуть подтолкнуть, то во Франции еще лет двадцать будут одной болтологией заниматься. Я так понимаю, до революции дойдет лишь следующее поколение. Те же сыновья маркиза Мирабо, с которым мы к моему удивлению вполне сумели найти общий язык.

Что касается Америки, то там знаменитая война за независимость вспыхнула бы гораздо раньше, если бы не одно обстоятельство, а именно, война с Францией из-за колоний. Эта война должна оттянуть много сил на американский континент. И вот этот конфликт вполне можно будет подпалить чуть раньше, чем он возник в моей истории. И, разумеется, помочь в нём Франции. Америка способна поглотить много солдат с любой стороны. Эх, договориться бы еще с индейцами. Прививки им от оспы поставить, да огнестрелом снабдить. Хорошо снабдить, чтобы всем хватило. Но для этого их нужно как-то примерить друг с другом, а это, вроде бы невозможно просто априори.

– После Фонтенака никто не может приручить этих дикарей, – раздавшийся рядом голос словно отвечал на мои вопросы. – Боюсь, если так пойдет, то мы лишимся поддержки последнего лояльного к нам племени. И тогда мы проиграем англичанам.

– Тогда, может быть, нам хватит уже непонятно чем заниматься на континенте, и пора пересекать океан, чтобы усилить гарнизон Квебека?

– Не нам с тобой принимать такие решения, мой друг, нам остается лишь ждать, что, возможно, его величество и отдаст этот приказ. – Голоса удалились. Что же. Начало этой войны просто витает в воздухе. Военные не могут о ней не думать. Я же, только представил, что нужно пересекать океан, как мне сразу же стало дурно. К горлу подступила тошнота, а голова закружилась.

– Ваше величество, вам дурно? – рядом тут же очутился Криббе.

– Слишком душно, и слишком много духов, надо бы выйти, свежего воздуха глотнуть.

Такая функция радушной хозяйкой была предусмотрена. Видимо, надоело от блевотины ковры вычищать. Мы с Гюнтером вышли в сад через дверь, которая спряталась тут же в углу большой залы, и я сплюнул тягучую слюну, вдыхая морозный воздух полной грудью.

– Король здесь? – спросил я через пару минут, когда окончательно пришел в себя.

– Здесь, и вовсю идет обсуждение новой жены для дофина, – Криббе облокотился на какой-то забор, глядя вдаль. – В том числе в качестве кандидаток рассматривается Мария Жозефина Саксонская.

– Значит, Людовик хочет заполучить Саксонию, как интересно, – я огляделся по сторонам. – Почему здесь нет снега? Уже середина зимы, а все еще нет снега? – я зло пнул пожухлую траву. – Все хотят Саксонию. Дрезден на сегодняшний день является таким призом.

– Я скажу больше, Брауншвейг-Люнебург захочет присоединить к себе земли южной Саксонии. После того, как в его состав вошли Бремен и Верден, осталось совсем немного, чтобы претендовать на звание королевства, – добавил Криббе.

– Они как пауки в банке, так и норовят сожрать друг друга, – я поморщился. – И снова Ганновер. Без него, похоже, эта война все-таки не освятится. Самое главное и Август не был виноват. Захват Саксонии и ее раздел был всего лишь вопросом времени. Вот только из-за его многочисленных отпрысков сейчас начнутся проблемы. Ладно, я понял, что нужно будет в данный момент предложить Людовику, чтобы он ввязался по полной. А там, глядишь, и с индейцами придумаем, что сделать.

Не успели мы зайти обратно в комнату, как ко мне прихрамывая подошел молодой офицер.

– Господин граф, разрешите представиться, виконт де Крюшо, – он пристально смотрел на меня. – Скажите, мы не могли встречаться в Берлине, после его взятия войсками Великого князя?

– Эм-м-м, – вот черт возьми, и принесло же этого офицера сюда прямо из Пруссии. – Вряд ли, виконт. Я никогда не был в Берлине.

– Но я готов поклясться, – и он наморщил лоб, пытаясь вспомнить, кого же я ему напоминаю.

– Каждому может что-то привидеться, – я похлопал виконта по плечу, и быстро отошел в сторону. – Черт подери. Я планировал немного задержаться в Париже, но, похоже, придется уезжать.

– И что мы узнали, пока находились здесь меньше недели? – пробурчал Криббе.

– На самом деле очень многое. Но самое главное, Людовик и его правительство очень сильно не любит англичан. Гораздо сильнее, чем хочет заполучить Саксонию. И это для нас в настоящий момент самое главное. А теперь пойдем отсюда, пока этот слишком наблюдательный виконт не сложил всё как надо и не раскрыл мое инкогнито.

Глава 3

– Миша, как я рад тебя видеть, – Алексей Петрович Бестужев выскочил из-за стола и бросился навстречу брату. Схватив Михаила за руки, он потащил его вглубь кабинета, в котором в последние недели проводил больше времени, чем дома. Михаил же, увидев красные, воспаленные глаза брата, только покачал головой.

– Не бережешь ты себя, Алеша, совсем не бережешь. Отдохнуть тебе надобно. За этим я и приехал. Аннушка в гости зовет, говорит, что мельком увидела тебя в церкви, и в ужас пришла. – Михаил продолжал разглядывать младшего брата, испытывая к тому жалость, столь нехарактерное для их семейства чувство.

– Некогда отдохнуть, Миша, когда такие дела вокруг творятся, – вице-канцлер намочил платок в стоящей тут же на столе вазе, протер им лицо и бросил платок на стол. – Воронцов вон гоголем ходит, словно уже все в его пользу решено, а меня будто уже из дворца погнали. А все потому, что мальчишка этот гольштинский с братом его Романом какие-то дела ведет.

– Зря ты, Алеша, даже не попытался с наследником общий язык найти, – Михаил покачал головой. – Я бы на твоём месте со двора Молодого не вылезал, пока взаимопонимания не получится.

– Да хотел я. Столько раз пытался, – Бестужев махнул рукой. – Он как глянет на меня своими глазами, так сразу прибить охота, так руки и чешутся. Не знаю почему, Миша, только чувство у меня завсегда складывалось, что не наш он, чужой совсем, пришлый.

– Тебя всю западником кличут, а мальчишка чужой, ну ты даешь, Алеша, – Михаил покачал головой. – Так нельзя, пора уже определиться.

– Я уже давно определился, Миша, – вице-канцлер покачал головой. – Нам надо союзы заключать с европейскими странами, перенимать у них многое, чтобы уже перестать мужиками лапотными быть, чтобы нас со всей душой в салонах заграничных принимали.

– Говоришь, будто бумагу тебе кто-то написал и выучить заставил, – Михаил встал с кресла, в котором сидел. – Слишком долго ты за границей пробыл, вот что я тебе скажу. Поговори с Воронцовым, может он что-то дельное скажет. Ведь можно же совместить ваши идеи да нечто новое придумать. А насчет отдыха, я не шутил, завсегда мы с Аннушкой рады будем тебя видеть.

И Михаил исчез, словно хлопושка шутовская хлопнула, осыпав комнату резанной бумагой.

Вице-канцлер вздрогнул и... проснулся. Подняв голову со стола, куда уронил ее прямо на бумагу, оставшуюся недописанной. Буквы все смазались, и превратились в сплошной ком. Бестужев провел пальцами по щеке, так и есть, вся рожа в чернилах. И надо же было вот так отвалиться. Да и сон чудной какой приснился. Будто они с Мишей вот так запросто разговаривают. Подойдя к зеркалу, висящему на стене, вице-канцлер попытался оттереть со щеки чернила, ввевшиеся в кожу, смачивая платок слюной.

– Надо бы и взаправду вазу с водой завести. – Пробормотал он, раздраженно натирая кожу, которая уже становилась под чернилами ярко-красной. – А Михаил меня даже во сне поучать пытается. – Он раздраженно бросил на столик грязный платок, практически ничего так и не оттерев. Представить себе подобную ситуацию наяву было практически невозможно, братья вот уже несколько лет не разговаривали друг с другом. Но кое-что Миша все же сказал правильно, чтоб ему до конца жизни икалось, надо было поговорить с Воронцовым.

Дверь открылась, и в кабинет заглянул гвардеец.

– Тут Апраксин Степан Фёдорович, примете, али как? – Бестужев поморщился. До охраны Ораниенбаума местным гвардейцам было далеко. Да и докладывал о чем-то приби-

тии Петру всегда Олсуфьев, который предварительно душу вытрясет из человека, а потом уж соизволит сообщить. Но от Волкова пока такого ждать не приходилось, дай Бог научится как-нибудь в будущем.

– Зови, – Бестужев посмотрел в зеркало. Да, нужно пораньше сегодня до дому уйти, да ванну велеть приготовить. Вернувшись за стол, Алексей Петрович сгреб испорченную бумагу, но прежде, чем под стол на пол бросить, попытался прочесть, что же он пытался написать. Ничего так и не прочитав, только зубами скрипнул, потому что совсем не помнил, что именно писал, когда сон так коварно его накрыл с головой.

Апраксин вошел в кабинет, и сразу же заметил беспорядок на столе у вице-канцлера. Да и во внешнем виде были изъязны. И это один из братьев Бестужевых, которые иначе, чем франты и не назывались. И даже покойного Ягужинского могли за пояс заткнуть. Степан Фёдорович только губы поджал, да кресло, предложенное, осмотрел, перед тем, как сесть в него, а то вдруг там чернила пролитые, как по дворцу идти, когда у тебя вся задница испачкана будет?

– Неважно выглядишь, Алексей Петрович, ой как неважно, – он покачал головой, и сел, по примеру Ушакова выставив перед собой трость.

– Не буду благодарить за добрые слова, Степан Фёдорович, – ядовито отреагировал Бестужев. – Хватит с меня Ушакова, который прямо перед носом у меня шиши крутил.

– Ну, Ушаков и не то сможет. Слыхал, сейчас из-за траура по усопшим, прими Господь их души грешные, – и Апраксин, и Бестужев перекрестились, а затем Апраксин продолжил. – Так вот, из-за траура, все веселье в клубе свернулось. Остались лишь игровые забавы. Да и то, столы Андрей Иванович велел черным бархатом укутать. Но вот в качестве торжества на коронацию, планирует он нечто грандиозное. Уже сейчас места раскупают все те, кто здесь в Петербурге останутся. А останутся все, у кого должности в местных коллегиях. Как обычно Ушаков в тайне держит, но, поговаривают, что хочет он всё в виде сценок из «Декамерона» представлять.

– Тьфу, срамota какая, – но хоть и плевался Бестужев, а в глазах мелькнула заинтересованность.

– Ещё какая, – Апраксин закатил глаза. – Я вот пока не знаю, здесь ли остаюсь, или же в Москву поеду. А ты как, решил уже?

– Смотря кого короновать будем, смотря кого, Степан Фёдорович. Самому поди обидно, что в последний момент тебя в войске Ласси на выскочку этого Салтыкова променяли? – Бестужев пристально смотрел на Апраксина.

– Это смотря с какой стороны глядеть, – Апраксин пожал плечами. – Вот не тянет меня отношения с Фридрихом портить. Так что вовсе не опечален я тем, что меня вот так подло заменили. Но, я ведь не про то, что Салтыков сейчас пытается Дрезден удержать. Я про другое пришел поговорить.

– И про что же? – Бестужеву надоели уже эти словесные кружева. Вот в чем наследник его всегда устраивал, так это в том, что сразу в разговоре брал быка за рога. Не отплясывая вокруг до около.

– А что это на щеке у тебя, Алексей Петрович? – Апраксин, вместо того, чтобы выложить, зачем он сюда пришел, принялся разглядывать выпачканную чернилами щеку Бестужева.

– Степан Фёдорович, дорогой ты мой, – вице-канцлер весьма демонстративно глаза закатил. – Прекрасно видишь, что это чернила, говори уже что хотел сказать.

– Я прекрасно вижу, что слово прямо под глазом отпечталось, «с любовью». – Апраксин хохотнул. – Впечатление складывается, будто зазноба твоя тебя письмом по роже наглой возила, али супруг её припечатал с наказом, что ежели ещё раз, и даже должность вице-канцлера не сбережет голову на плечах.

– Я не знаю, что там и где отпечталось, – Бестужев скрипнул зубами. Зеркало было плохого качества, и он действительно не разглядел, что на лице отпечталось. И хорошо ещё,

что Степан Апраксин увидел, а не кто другой. В этом Бестужев был уверен, как можно было быть уверенным в другом человеке. Вот был бы конфуз, если бы он вот так через весь дворец под любопытными, а часто неприязненными взглядами домой пошел. – Я уснул... Да черт с ней со щекой. Ты зачем сюда пришел, скажешь уже?

– Да вот, пришел узнать, что ты знаешь о заговоре и что хочешь в этом плане предпринять, – когда Апраксин это выдал, Бестужев едва не подавился слюной.

– Что ты хочешь сказать, есть еще один заговор? – Апраксин на «еще один» не отреагировал. Открыто он Бестужева не поддерживал, но его взгляды разделял. Хотя, в случае прямого столкновения наследника и вице-канцлера, скорее всего, остался бы в стороне. Многие называли такое поведение трусостью, а сам Степан Федорович разумной осторожностью.

– Ты вот погряз в бумагах, носа не кажешь никуда, а тем не менее, салоны словно развороченные улы жужжат. Больше, конечно, тех, кто Петра Фёдоровича поддерживает, но есть и те, что против подобных манифестов, который Пётр Фёдорович для своей коронации приберёт. И даже, ходят слухи, что собираются заговорщики на площадь выйти с оружием в руках и потребовать убраться эту бумажку гнусную или передать власть кому-нибудь другому.

– У кого они собрались что-то требовать, если Петра даже в Берлине нет. И в Дрездене его тоже нет, и в Варшаве. И уже тем более в Петербурге! – Бестужев рывком сорвал с головы парик и запустил руки в волосы. – Они что все от безделья с ума посходили?

– За что купил, за то и продаю, – Апраксин развел руками. – Может быть, в связи с подобными обстоятельствами, манифест и пригодился бы. И то, правду говоришь, все из-за безделья.

– Господи, что же мне делать-то? – Бестужев вскочил и заметался по комнате. Чуть раньше он поручил бы Ушакову вычислить всех заговорщиков и в Петропавловской крепости запереть, чтобы остыли. Но сейчас их отношения вряд ли можно было назвать безоблачными. И Андрей Иванович вряд ли пойдет ему навстречу, даже, если сам уже давно всех вычислил.

– Не знаю, Алексей Петрович, тебе решать, я тебя предупредил, дальше сам, голубчик, своими силами справляйся, – и Апраксин поднялся из кресла и направился к двери, держа в руке трость так, что становилось непонятно, зачем он вообще ее носит.

– Ваше императорское величество, – мадам Помпадур присела в глубоком реверансе, таком же глубоком, что и вырез на её платье. Я мог спокойно любоваться поистине прекрасной грудью женщины, которая, не обладая сногшибательной красотой, тем не менее, умудрялась удерживать столько лет Людовика в своей постели. Да и после того, как страсть остынет, она сохранит свое влияние на него и реальную власть при дворе. – Это было очень, очень нечестно с вашей стороны скрыть от меня, кто вы на самом деле.

Ну вот, уехали из Парижа, сохранив свое инкогнито. А все тот Крюшо, который таким глазастым оказался. Вспомнил меня, мерзавец. И растрепал своей покровительнице. Которая тут же села в карету и помчалась в наш снятый особняк, чтобы выразить свое почтение.

– Ну что вы, мадам, встаньте, – я подскочил к ней и, как галантный кавалер, поддерживая за локоток, помог подняться. – Я всего лишь гость здесь. К тому же коронации пока не было, и, можно считать, что я всего лишь наследник, который решил посмотреть на красоты Парижа.

– Выше величество, давайте говорить откровенно, – внезапная смена тона весьма меня удивила.

– Я всегда выступаю за откровенность, мадам, – я указал ей на диванчик, сам же сел в кресло, глядя, как Жанна садится, что было очень сложно сделать в таких пышных юбках.

– Ненавижу кринолин, – пожаловалась она, лукаво посмотрев на меня.

– Зачем же вы его носите? Моя жена, например, взяла пример именно с вас, отказываясь от этой обузы. – Я не отводил с нее взгляда с тоской думая о том, что мне именно сегодня за

каким-то хреном стукнуло в голову отправить Гюнтера в Голландию. А точнее, в Австрийскую ее часть. Узнать, чем и как они дышать, прощупать настроения, в общем оценить обстановку.

– Я не ношу кринолин только тогда, когда хочу эпатировать окружающих. Как так получилось, что ваши дамы легче отказываются от всего этого?

– Наверное, все дело в том, что они совсем недавно надели кринолин. А сарафаны не подразумевали ничего подобного. Хотя, не могу сказать, что одежда была слишком простой, вовсе нет. – Мы сидим во дворце Конде с мадам Помпадур и говорим про моду, это как-то плохо помещается в моем сознании.

– Вы обязательно должны прислать мне комплект той одежды, которую носили русские женщины. Я плохо понимаю, о чем вы говорите, – призналась Жанна.

– Обязательно. Как только окажусь в Петербурге, то сразу же велю собрать для вас комплект, – я улыбнулся. – Вы сказали, что хотите говорить со мной откровенно, мадам, – напомнил я о ее собственных словах.

– Да, – она задумалась. – Я могу предположить, зачем вы здесь, ваше величество. На самом деле причин две: вы хотите узнать из первых уст про брак дофина, и узнать отношение его величества к англичанам, я права? – вообще-то причин, посетить Париж у меня было гораздо больше, но да, эти две основные, она все правильно сказала. Поэтому я просто кивнул, подтверждая ее слова. – Я так понимаю, что все ваши предложения его величеству будут зависеть от выбора невесты для дофина? – я снова кивнул.

– Вы весьма проникательны, мадам.

– Когда-то давно, я еще была ребенком, гадалка нагадала мне, что однажды я стану фавориткой короля. Поймите меня правильно, на тот момент у меня не было ни имени, ни какого-либо состояния, ни внешности, способной пленить мужчину с первого взгляда, ни даже достойного образования. Но слова гадалки запали мне в душу. Я сделал все, чтобы в итоге её предсказание сбылось. Не судьба, ваше величество, но упорная работа над собой, над обстоятельствами, даже над случайностями. А ведь, сейчас вспоминая тот случай, я понимаю, что, если бы мне не предсказали этой судьбы, я никогда не стала бы той, кем стала.

– Зачем вы мне это говорите, мадам? – я слегка нагнулся, глядя на нее в упор.

– Нужно просто верить, ваше величество, и трудиться, тогда все получится. Что касается вашей позиции, я ненавижу англичан. Они постоянно пытаются заменить меня в сердце его величества кем-нибудь более управляемым. Нам не стоит больше вести разговоры в подобных дворцах. Здесь и у стен есть уши. Приходите сегодня вечером в Тюильри, там я вам дам точный ответ, стоит ли вам тратить время, или лучше найти другого союзника.

Она встала, я тоже неохотно поднялся, выказывая этой женщине уважение. В общем то, я ничего не теряю, если дождусь ее ответа. Болтаться вечером в Тюильри в одиночестве я не собираюсь. У меня с собой достаточно гвардейцев, чтобы десяток взять с собой. Ну, вот такой я извращенец, люблю миловаться с дамой в окружении охраны, и чтобы они обязательно смотрели.

– Иван, – Лопухин тут же материализовался возле меня. – Вот что. Езжай сейчас со всеми нашими вещами. За городом где-нибудь снимешь комнаты на постоялом дворе. Затем пошлешь кого-нибудь встретить нас возле ворот, ближайших к Тюильри. Со мной оставь десяток гвардейцев, под началом Федотова.

– Ну да, куда уж без Федотова деваться, – Лопухин покачал головой. – Василий, его величество хочет с тобой переговорить. Хватит лямуры с горничными крутить.

Вот про это и говорила Жанна. Дворец достался мне вместе с прислугой, и проще было сказать, кто из них не стучит тому же Конде.

Остаток дня прошел в суматохе. Вот вроде бы и вещей немного, все-таки на войне были, а не великосветские визиты наносили, да и одежда у меня отличалась самым настоящим аскетизмом, но все равно вещей оказалось прилично.

Нагрузив карету, отряд из двадцати пяти гвардейцев отправился в путь, я же остался ждать вечера, хотя вечер – это было весьма расплывчатое понятие.

Криббе я в этот раз одного не отпустил. С ним уехали еще пятеро гвардейцев, которые и подстраховать Гюнтера могли, и в качестве гонцов могли выступить, если срочно нужно было что-то доставить мне. Но это весьма относительная быстрота. Нужно было срочно изобретать нечто действительно быстрое. Кто там у нас волнами заминается? Д'Аламбер, насколько мне известно от них фанатеет. Вот и пускай занимается только по-взрослому.

И вообще, там у меня университет должен уже в следующем году учеников принимать, ломоносов докладывал в письме, что увеличительные стекла на поток поставил, можно реально качественную оптику начинать мутить, чтобы никакие Никоны и носа показать не смели, а я сижу в Париже и жду непонятно чего. А еще где-то там моя жена наверняка сходит с ума, и сын, которых я уже охренительно долго не видел. Жизнь – боль, вашу мать. Но эти суки за Елизавету, которая вовсе неплохой теткой для меня была, да за Штелина, и Флемма, должны ответить, иначе я сам себя уважать перестану.

За окном стемнело. Ну, наверное, это и есть вечер с точки зрения маркизы де Помпадур? Будем считать, что так оно и есть, тем более, до Тюильри еще нужно добраться.

Ночной Париж не впечатлял. Вот абсолютно. Он и при дневном-то свете не произвел на меня впечатления, ну не понимаю я красоты старых европейских городов, вот хоть убей меня. Фонарей мало, улицы в большинстве своем узкие, одно хорошо, что почти везде брусчаткой застелены. О, крыса пробежала. А вон там обратно в темный переулок пара личностей нырнула. Увидели, что всадник не один, да все при оружии, и вообще не пацифисты, да дали деру. Правильно сделали, кстати. Потому что минимум, чтобы они получили, если бы начали выпрашивать, это с ноги в рожу, даже не слезая с седла. Про максимум думать не слишком хотелось.

Где именно ждать мадам, она мне тоже не сказала. Наверное, думает, что я эмпирическим путем догадаюсь. Соскочив с коня, я приказал Федотову идти за мной на расстоянии, и принялся обходить парк.

Недалеко от грота Палисси я увидел одинокую женскую фигурку в длинном плаще в наброшенном на голову капюшоне. Она или не она, вот в чем вопрос? Да, ладно, если не она, то извинюсь.

– Мадам, – подойдя ближе я дотронулся до её руки. Женщина вздрогнула и резко обернулась. На меня при свете фонаря, зажженного возле грота, смотрели прекрасные темные глаза, а из-под капюшона выбилась прядь белокурых волос. В полутьме, она так сильно напомнила мне мою Машку, что я расплылся в идиотской улыбке, продолжая держать ее за руку.

– Сузанна, что происходит, дьявол вас раздери? – рев раненного медведя, вот что напомнил мне крик разгневанного месье, с которым с хотела здесь встретиться эта нимфа.

– Упс, как неудобно вышло, – почему-то по-немецки произнес я, отпуская руку девушки. – Прошу прощения, мадам, месье, я обознался.

– И это все? Ты хватал Сузанну за руки и вот так просто хочешь уйти? – вопил мужик, как раненный бык.

– Но, Жан, юноша обознался, он же объяснился, – попыталась достучаться до разума спутника Сузанна. Но тут это было делать бесполезно. У Жана упала броня, и ему непременно нужно было выплеснуть куда-нибудь тестостерон, заодно показав Сузанне, какой он мужественный и сильный. В темноте блеснула шпага.

– Я вызываю вас, месье! Здесь и сейчас, если вы не трус и истинный дворянин.

– Да что б тебя, – Федотов, ты где? Тут твоего сюзерена убить пытаются. Мысленно я призвал свою охрану, которой похоже больше повезло, и девушки им достались без озверелых Жанов в нагрузку. Но нужно было что-то делать, и бежать – не вариант, он меня просто в спину ткнет, с него станется.

Сняв перевязь со шпагой, я вынул её из ножен, и отбросил перевязь, чтобы не мешала.

– Ан гард, – он атаковал как-то сразу, просто бросившись в атаку, как бык на арене корриды. Я отпрыгнул в сторону и контратаковал. И вот здесь выяснились весьма интересные подробности. Фехтовать Жан не умел, пользовался шпагой, как смесью дубины с вертелом. Зато силища у нём была богатырская. Меня учил один из лучших фехтовальщиков Европы. И, хоть я и был не самым лучшим учеником, но худшим меня тоже назвать было сложно. Несмотря на его силу, я планомерно загонял его к гроту.

– А ну парень, брось железку, – ну, наконец-то, я вовсе не хотел его убивать, а ведь дело шло именно к этому. Жан посмотрел на направленный на него ствол пистолета сплюнул и сунул шпагу в ножны. – Как вы, ваше... – Федотов на секунду замялся, а потом вышел из положения. – Ваше высочество?

– Нормально, – я нашел перевязь, уже надел ее и теперь засовывал в ножны шпагу. После этого подошел к смотрящей на нас с ужасом Сузанне. – Мой вам совет, бросайте его. Ничего хорошего из ваших отношений не получится.

После этого пошел вокруг грота, матеря про себя и Федотова, который так поздно появился, и Жанну, которая неизвестно где меня ждет, и эту Сузанну, которая так похожа на Марию.

– Bravo, ваше величество, вы прекрасно фехтуете. Не одно сердечко ёкает, видя, как вы двигаетесь, составляя единое целое со смертоносной сталью. – Идти далеко не пришлось. Все-таки Жанна выбрала самое примечательное место парка. Она не виновата, что кто-то пришел сюда раньше. На ней был точно такой же плащ, что и на Сузанне, не удивительно, что кавалеры постоянно путают своих дам.

– Спокойно, мадам, вы стремились стать фавориткой его величества Людовика, а не моей, – я поцеловал ей руку, и тут же отпустил ее.

– Странно, но, когда вы говорите гадости, то становитесь еще соблазнительней, – она улыбнулась. – Но, к делу. У меня чрезвычайно мало времени. Мария Жозефина Саксонская уже не рассматривается в качестве невесты дофина. Думаю, это будет одна из девочек австриячки. Говорят, они очаровательны.

– Ага, еще бы кто-нибудь им мозгов матери отсыпал, хоть чуть-чуть, – пробормотал я, снова целуя руку мадам де Помпадур. Вслух же произнес. – Я ваш должник, мадам.

– Вы обещали мне полный наряд русской дамы, – она улыбнулась и, набросив капюшон, растворилась в темноте. А через несколько минут наш небольшой отряд уже направлялся в сторону выезда из Парижа.

Глава 4

Ушаков сидел в своем кабинете и старательно рисовал схему на развернутом перед ним листе. Схема никак не складывалась, постоянно прерывалась в самых неожиданных местах, а то и вовсе стопорилось на одном единственном имени.

– Ничего не понимаю, – он, наконец, сдался и бросил подаренное Петром Фёдоровичем перо на стол. – Я ничего не понимаю. – Повторил он и схватился за голову.

Если с Бестужевым все ясно и понятно, и количество причастных будет измеряться только тем, с какой силой они будут указывать друг на друга. Так оно всегда бывало, когда дело до допросов доходило. Даже, когда просто, без пристрастия по душам беседовать заходил. Словно ему, Ушакову Андрею Ивановичу, только это и нужно было услышать от арестантов. А ведь, он, может быть, действительно расчувствовался и поговорить зашел. Потому что горько было ему видеть, как кто-то, знакомый до самой макушки, вроде того же Голицына, в такую компанию попал. Вот кто его тянул к Бестужеву под крыло? Неужто так хотелось всё, что еще осталось русского погубить, да заменить на иноземное? Так ведь и не лишал его того, к чему он привык. Вон, разве тот же Воронцов что-то плохое предлагает? Так нет же, презрительное «земельник» как приклеилось к Михаилу Илларионовичу. Ну ничего, Пётр Фёдорович придет и рассудит, кому куда: кому реформами заниматься, а кому в Сибирь, её родимую тоже поднимать кому-то надобно.

Так что с Бестужевым и его партией было все понятно, и к каждому его члену уже приставлен был человек, который аккуратно все записывал и напрямую ему самому передавал. Потому что заговорщиков Андрей Иванович никому пока доверять не мог, сам каждым занимался лично.

А вот второе дело было какое-то тухлое. И хоть и говорили о нем разве что ни на каждой кухне, а кончик этой ниточки Ушаков никак ухватить не мог, все эти разговоры словно из ниоткуда сами собой образовались.

В кабинет заглянул адъютант. Он словно всегда чувствовал, когда нужен своему шефу.

– Олег, Ломова мне найди, – попросил Ушаков.

– Это не представляется возможным, Андрей Иванович.

Олег Егоров, сын мелкопоместного дворянина, который в жизни не думал, что может взлететь так высоко, и потому держался за свою службу зубами, готовый выполнить любой каприз сурового начальства. А ведь так получилось, что он просто однажды попался на глаза Ушакову, который был сильно раздражен, после очередной встречи с вице-канцлером. Так сильно он злился, что уронил трость, которую Олег ему подал. Ушаков долго смотрел на него, а затем кивнул, и приказал идти за собой. Но, Егоров покачал головой, отказываясь. Его в этот день поставили в охрану дворца, и он не мог покинуть свой пост, как бы ему не хотелось. Ушаков тогда хмыкнул, а на следующий день командир протянул ему бумаги о переводе из гвардии в личные адъютанты всесильного начальника Тайной канцелярии.

– Это еще почему? – Ушаков нахмурился.

Этот мальчишка всегда слишком много себе позволял, но сейчас просто выпрягся. Андрей Иванович сам не знал за каким лешим возится с Турком. Его никто не обзывал, а Турка к нему никто не посылал. Просто, так получилось, что в тот день, когда Турок помогал налаживать игорный дом, показывая приемы шулерства, и как оные распознать, они словно нашли друг друга. А еще Ушаков знал, что Турок был одним из очень немногих людей, которым Пётр Фёдорович абсолютно доверял.

– Ломов заявил, что выполняет секретное поручение его величества, поэтому очень сильно сожалеет, но никак не может явиться к вам, Андрей Иванович, – отрапортовал Егоров.

– Но он хотя бы здесь в Петербурге? – уточнил Ушаков.
– Уже здесь, до этого был в отъезде, – кивнул адъютант.
– Ладно, пускай ему станет стыдно за то, что заставляет пожилого человека за собой бегать, – проворчал Ушаков.
– Здесь Оленьев, Андрей Иванович, спрашивает, сможете ли вы его принять, – объявил Олег.

– Что же ты молчал? – Ушаков даже приподнялся в кресле. – Зови.

Оленьев выглядел как всегда безупречно. Если в самом начале в этот образ вкладывалась Тайная канцелярия, то сейчас Ушаков старался не спрашивать, откуда у молодого франта столько денег для поддержания выбранного ему образа.

– Вчера в знак скорби о почившей Елизавете Петровне княгиня Волконская приказала организовать охоту на медведя, – молодой человек прямо смотрел на Ушакова, который отвечал ему столь же прямым взглядом.

– В знак скорби? – Андрей Иванович приподнял бровь.

– Елизавета Петровна обожала подобные развлечения. И да, все одежды охотников были траурными, а на ружьях и ошейниках собак были привязаны траурные ленты, – Ушаков с трудом удержался, чтобы не закатить глаза. Скорее бы уже Петр Федорович вернулся, а то эти бездельники скоро до чего-нибудь еще столь же скорбного додумаются.

– Продолжай, – Ушаков заметил, что молодой человек колеблется.

– Лорд Кармайкл выразил желание попытаться взять бурого на рогатину, – Оленьев принялся рассматривать свои ногти.

– Сам выразил такое желание? Никто его к этому не подталкивал? – насмешливо задал вопрос Ушаков.

– Что вы, Андрей Иванович, как можно. Как можно было кому-то вслух в присутствии княгини усомниться в мужественности лорда, и в его умении охотиться как подобает настоящему мужчине.

– Та-а-к, и что, лорд Кармайкл решил показать, что его зря кто-то заподозрил в отсутствии мужественности?

– Конечно, вот только в Англии с рогатиной не охотятся. Он так долго приноравливался, что егеря уже устали свору удерживать, да и потом сплоховал, знаете ли. А медведь здоровенный попался и очень разъяренный.

– И что же старший егерь не помог лорду? – Ушаков уже даже не скрывал самодовольства.

– Сначала его отвлекли, а потом ружье не выстрелило, порох отсырел, представляете?

– Ужас какой. Вот так и езди на охоту, – Ушаков кивнул.

– Охотники, увидев такое безобразие, конечно помогли лорду Кармайклу и пристрелили медведя, но было уже поздно, бурый успел помять посла. Сегодня утром он скончался. А егеря наказали, да. Княгиня определила ему пять ударов плетью за подобное разгильдяйство.

– Да, воистину жуткая история, но... Такое случается и не так уж и редко. Просто Кармайклу не повезло, бывает. Полагаю, её величество Мария Алексеевна напишет собственноручно письмо Георгу с соболезнованиями. Ну а так как сейчас зима, то вполне возможно вернуть тело безутешным родственникам. – Ушаков придвинул к себе чернильницу и принялся писать распоряжение. – Вот, распоряжение для плотников, чтобы не поскупились и роскошную домовину послу обеспечили. Ты будешь сопровождать посла и передашь письмо с соболезнованиями.

– Слушаюсь, Андрей Иванович, – Оленьев коротко поклонился.

– Да, и еще. В прошлом году Пётр Фёдорович распорядился купить в Венеции палаццо. На обратном пути остановишься в нем. Необходимо узнать, чем живет этот город вечного праздника и повального греха, а лучшей кандидатуры у меня нет. Бумаги на палаццо и записку в казначейство получишь у Егорова. А сейчас поедешь в Ораниенбаум и передашь эту записку

её величеству. От неё же получишь письмо с соболезнованиями. Убедись, что там именно соболезнования написаны. У её величества были, хм, непростые отношения с лордом Кармайклом.

– Слушаюсь, Андрей Иванович, – на этот раз поклон был ниже.

– Если все понял, то иди с Богом, Илья, – Ушаков заложил руки за спину, чтобы не перекрестить Илью Оленьева, мелкопоместного дворянина, в собственности которого был небольшой дом с одним дедом-крепостным и двумя курицами. Чем промышлял парень, пока не попал к нему, Ушаков старался не думать. Просто однажды его притащил к нему Турок, сказав, что тот сможет вписаться в роль богатого бездельника, который был так нужен Ушакову, чтобы сойти за своего в любом салоне. Турок оказался прав. И Ушакову очень не хотелось отпускать в такой опасный вояж своего лучшего агента, но замены ему пока не было.

Мы уже подъезжали к Варшаве, когда пришло объемное письмо от Турка. В нем он извещал меня о выполнении всех поручений. Я в это время сидел в обеденной зале постоянного двора и ждал, когда в моей карете сменят лошадей. До Варшавы оставалось проехать совсем немного, день был еще в разгаре, и я решил не терять время, и ночевать уже в королевском замке. Надеюсь, мне не откажут в приюте. Когда замерзший гвардеец протянул мне письмо, я невольно удивился, как они вообще находят адресата в таких условиях? У них компас особый куда-то встроен, что ли. Там ведь реально «На деревню дедушке» посылают, типа, езжай вот по этой дороге, может где-то Петра встретишь, вот ему письмо и передай. Спрашивать я не стал, просто открыл письмо и принялся читать. Составлено оно было – не подкупаешься. Даже, попади это письмо в чужие руки, ничего, кроме описания новостей, в нем не нашли бы. Я же видел гораздо больше.

– Что-то плохое пишут, ваше величество? – Вот взять, например, Олсуфьева, которого я отправил вместе с четой Румянцевых и Чернышевым в Варшаву, чтобы он стал эдаким сдерживающим фактором. Откуда он мог узнать, что я вот-вот уже приеду? Но откуда-то узнал, и приехал встречать. И сейчас сидит и дуется, что я сам письмо распечатал, не дал ему выполнить его непосредственные обязанности.

– Скажем так, ничего хорошего, – я проанализировал ситуацию, похоже, что Брауншвейгское семейство действительно пало жертвой обстоятельств, потому что, когда Турок прибыл в Холмогоры, все было уже кончено. Ну и хорошо, все меньше грехов на душу взял. – Семейство Анны Леопольдовны пало жертвой оспы. В монастыре случилась эпидемия, кто-то из паломников принес с собой черную смерть, и вот. В Шлиссельбургской крепости произошло такое же несчастье. Один из охранников был болен... Нужно немедленно по прибытию устанавливать санитарные коридоры. Что касемо оспы – пиши сейчас указ, про то, что никто не может осуществлять службу где бы то ни было, ежели привит не будет по методу Флемма. Что касемо семейства Анны Леопольдовны – похоронить со всеми почестями. Дать статью в газету про то, что удалившаяся в монастырь с семейством внука Ивана пятого пала жертвой этой жуткой болезни. И Румянцеву передай, чтобы в журнал куда-нибудь заметку воткнул в траурной рамке. В государстве итак траур, так что пускай и их присоединят, пускай и за их души молебны идут, все как полагается. Данию я сам предупрежу, – в Дании некого особо предупредить, там все идет по коварному плану Луизы, а вот ей написать, как можно скорее, не помешает. Все равно будут пытаться двойников подсунуть, но идиотов, которые в это поверят, все одно меньше найдется, после такой большой огласки.

Олсуфьев кивнул, и принялся записывать выданные ему задания. Надо же. А раньше никогда не писал, все на память свою надеялся. Кордоны давно пора устанавливать. Только Елизавета была против, а спорить с ней по этому вопросу я не стал. Теперь уже поздно. Надо записи Флемма поднять, да учеников его потряхнуть как следует. Не может такого быть, чтобы он ни с кем данную тему не обсуждал.

Да и приехал он в Петербург не просто так. Скорее всего, нашел он хину, и малярию научился лечить, да ограждать от чумы. А раз так, то после Европы, можно начинать Крымом заниматься, и вообще ту область осваивать. Много нужно будет сделать, так много, что голова кругом идет. Но прежде всего, необходимо убрать тех, кто сто процентов начнёт палки в колеса вставлять всеми возможными способами.

А способов у них много. Чем дальше я думаю, тем сильнее убеждаюсь, что один из самых известных бунтов под предводительством Емельяна Пугачева, не на пустом месте возник. Ну не мог простой казак до такого сам додуматься, не мог. А даже если и смог, то где он деньги взял? Я принимал участие в снаряжении относительно небольшой кампании, так у меня чуть глаз не выпал, когда я суммы итоговые увидел. А тут на пустом месте, просто на волне амбиций, да еще и каторжник беглый, поднимает целую армию? Оснащенную даже пушками, раз города мог занимать? Угу, это по ушам кому-нибудь другому ездите. Деньги в этого «Пера третьего» были вложены и немалые.

И ведь это восстание здорово затормозило... Так, стоп. Это чертово восстание проходило на Урале, в Западной Сибири, в Поволжье – там, где в то время могли родиться и паровые машины, и сталь нормальная, и оружие, и хорошие урожаи зерна. Все это было похерено, отброшено на десятилетия назад. И это, не говоря про чисто человеческие жизни. Вот правда, нахрена устраивать нечто подобное в Центральной части, если там почти ничего нет, кроме мануфактур, которые тоже на сырье из вышеперечисленных регионов работают. А ведь в это дело даже Башкирию, где я с таким трудом порядок кое-какой навел, втянули, и Младший и Средний жуз. Может быть, я паранойю и меня на теории заговоров заклонило, но, где-то тут торчат уши кого-то из наших заклятых друганов.

Так что я все правильно решил со Шлиссельбургским пленником. Все равно кто-то его карту попытается разыграть, но, во-первых, я буду готов, а, во-вторых, таких масштабов эта вакханалия в любом случае не достигнет. А ведь получился проект «Пугачев» с таким размахом у тех, кто его затеял, только потому, что Катерина не могла все по-человечески оформить. Вот что ей помешало устроить приличные похороны мужа, рыдая во весь голос и падая на грудь лежащему в гробу Петру? Никто бы не поверил? Да плевать, главное, что приличия соблюдены.

Интересно, а как мои новые голландские капитаны относятся к каперству? А если их усилить русскими военными кораблями, которые еще Елизавета начала усиленно строить? Самому сейчас вряд ли удастся в Голландию попасть, надо кого-то подготовить, как своего представителя. Мой взгляд упал на Олсуфьева, нет, этот товарищ слишком правильный, а там много врать придется, да и вообще изворачиваться, как ужу на сковородке. Румянцева что ли протестировать. Он со своей ушлой женошкой вполне могут подойти. Ладно, подумаем. До коронации время еще есть. Может и сам успею еще раз туда смотаться.

– Ваше величество, ведь в письме было что-то еще, не только печальные известия? – вот настырный какой. Я покосился на Олсуфьева. Нет, это не отстанет. Может и правда его в Голландию отправить? У Адама Васильевича же хватка бультерьера, если вцепится, то уже не отпустит.

– А еще, Адам Васильевич, Ломов сообщает, что в столице даже не один заговор против меня организовался, а целых два, представляете? Мне вот только интересно, как заговорщики между собой поладят. Не передерутся ли, родимые.

– Какие странные вопросы вас беспокоят, ваше величество. А то, что вообще эти заговоры имеются, вас не слишком волнует? – Олсуфьев смотрел на меня с нескрываемым интересом.

– Да нет, не особо, – я пожал плечами. – Если только Ушаков сидит на одном месте и штаны протирает, вот тогда да, тогда стоит волноваться. Но, сдаётся мне, что Андрей Иванович, все же не просто так свою должность занимает, и сумеет разобраться к нашему приезду.

– А ежели... – но договорить он не успел, потому что во дворе раздался стук копыт и в зал ворвался Румянцев.

– Так, а скажи-ка мне, Адам Васильевич, откуда все в этой дыре, под названием Варшава, знают, что я еду и что сейчас я сижу на этом, богом забытом, постоялом дворе? – я спрашивал Олсуфьева, при этом не отводя взгляда с Петьки.

– Так еще с прошлого постоялого двора приехал гонец, который и сообщил, что вы вот-вот приедете, – Олсуфьев позволил себе улыбнуться. Затем он оглянулся и смерил взглядом Румянцева. – Вот только паломничества не предполагалось.

– Значит, случилось нечто незапланированное, – я невольно нахмурился. Ненавижу сюрпризы. – Петька, что стоишь как неродной? Что у нас еще случилось плохого?

– Да я даже не знаю, как это назвать... – Румянцев замялся. – Дело в том, что вы, ваше величество, скоро можете быть втянуты в очень веселую семейную ссору. Более того, я могу с уверенностью сказать, что королева София вот-вот приедет сюда, просить у вас понимания и защиты от деспотичного мужа.

– Это Понятовский деспотичный муж? – в моем разуме Понятовский и деспот никак не хотели ложиться в одну плоскость.

– Ну-у-у, смотря в каком свете на все это посмотреть. Хотя, вот лично моё мнение, когда находишь нечто, похожее, вот на это, прекрасно зная, что оно адресовано не тебе, то поневоле можешь стать таким деспотичным, – и Румянцев протянул мне клочок бумаги. Это было не письмо, а скорее записка. Я посмотрел на Петьку, который кивнул, приглашая меня ознакомиться с содержимым, только после этого я развернул бумажку. Написано было по-французски. Уж не знаю, почему она выбрала именно этот язык. Граф Чернышев, насколько мне известно, прекрасно знал немецкий.

«Первый день, как будто ждала вас, так вы приучили меня видеть вас; на другой находилась в задумчивости и избегала общества; на третий смертельно скучала; на четвёртый аппетит и сон покинули меня; всё мне стало противно: народ и прочее... на пятый полились слёзы... Надо ли после того называть вещи по имени? Ну вот: я вас люблю!» * (По мнению П.И.Бертенева настоящая записка еще княгини Екатерины к одному из братьев Чернышевых).

– Господи, что это? – я уронил записку на стол.

– Ну вот оно и есть, – Румянцев философски поднял глаза к потолку. – Вообще, Захара Григорьевича нельзя никуда послом засылать, чтобы подобных конфузов не происходило. Но, это лично моё мнение, ваше величество. Зато задание ваше выполнено в полной мере, ваше величество, Польша не будет вмешиваться в войну, ни с той, ни с другой стороны. Ей просто некогда будет войнами там всякими заниматься, сами понимаете, ваше величество, – и этот паразит придвинул ко мне бумажку, которую мне просто сжечь хотелось.

– В данном вопросе есть лишь одно решение, ваше величество, – Олсуфьев аккуратно сложил записку, после того, как прочитал ее, хотя никто ему не поручал этого делать. Но, это же Олсуфьев. – Вы должны женить графа Чернышева здесь в Варшаве. Выбрать девушку познатнее, а ее величество может сказать, что писала эту записку от ее имени, чтобы не навлечь гнев родителей на несчастную влюбленную дурочку.

– Выставив дурой себя? – Я скептически приподнял бровь. – Ну, хотя, ей не привыкать, учитывая, при каких обстоятельствах она сама выходила замуж. – Я обернулся к Петьке. —А скажи-ка мне, друг мой, откуда у тебя взялось это прямое доказательство супружеской измены?

– Так ведь у Андрея Ивановича при каждом королевском дворе свой человек имеется. Да еще какой ловкий, я просто диву даюсь. Только, уж простите меня, ваше величество, но имени его я не назову. Ведь за вами будут наблюдать не одна пара глаз. И любое неловкое движение может быть неверно расценено, и его смогут вычислить. А зачем из-за пустяка терять такого полезного малого? Ведь он так ловко успел бумажку эту утащить, когда Понятовский орал и думал, что в камин её забросил.

– Да ты прав, незачем подставлять такого хорошего человека. – Я задумался. – Хорошо, значит, будем исходить из того, что королева так хотела помочь влюбленным, что выставила себя идиоткой. И я даже знаю одну такую знатную девицу, которую вполне можно отдать за русского графа, учитывая, сколько всего интересного успел при жизни наворотить ее папаша. Кстати, Адам Васильевич, Виттены проживают здесь?

– Да, ваше величество, – Олсуфьев кивнул. – Им выделен дворец и довольно крупная сумма для обеспечения всех их нужд. Мария Жозефа даже содержит небольшой двор. Они ни в чем не нуждаются.

– Отлично. Я поговорю с Софией. В её же интересах уговорить вдовствующую королеву отдать Марию Жозефину за Чернышева. Тем более, что брак девочки с дофином откладывается до его следующего вдовства, ежели такое в ближайшее время произойдет.

– Осталось только Захара Григорьевича предупредить о том, какой он на самом деле влюбленный, да указать девицу, которая его сердце украла, – заявил Олсуфьев.

– Вот ты, Адам Васильевич, и займись этим богоугодным делом, чтобы два любящих сердца смогли соединиться. А я тем временем хотел бы побеседовать с Фридрихом Кристианом. Мне он показался очень достойным молодым человеком, хотя я и видел его, можно сказать, мельком. Да и Мария Алексеевна очень хорошо отзывается о брате. И, кто-нибудь мне скажет, почему здесь каждого второго мужчину зовут Фридрих? – и Петька, и Олсуфьев молча пожали плечами. – Понятно, это был риторический вопрос.

Глава 5

Мария вылезла из кареты, опираясь на руку Ломоносова и с любопытством осмотрелась по сторонам.

– Как здесь необычно все устроено, – наконец, произнесла она. – Я никогда не видела, чтобы города строились подобным образом.

– Ну какой же это город, ваше величество, – улыбнулся ученый. – Так, небольшой городок, поместившийся на территории хоть и обширного, но все же поместья. Однако, как своего рода эксперимент, вполне подходящий.

– Как эксперимент? – Мария повернулась к Михаилу и пристально начала его разглядывать, словно увидела впервые, хотя именно с Михаилом Ломоносовым она претворяла в жизнь свои проекты об образовании. – Я не знала, что Петр Федорович придает этому городу именно такое значение.

– Странно, что не знали, ваше величество, – Ломоносов спокойно выдержал её взгляд. – Его величество никогда не скрывал своего намеренья проводить на Ораниенбауме различные социальные, да и не только социальные эксперименты, а потом внедрять в массы.

– Это звучит как-то... неправильно, – наконец подобрала подходящее слово Мария.

– Почему? – совершенно искренне удивился Ломоносов. – По мне так, как раз очень нужное дело Петр Федорович организовал. Вот те же продовольственные склады он здесь первыми поставил, и постоянный гарнизон разместил, не где придется, а в строго отведенном для него месте. Теперь же эту идею во всех губернских городах внедряют. Да и не только в губернских, во всех крупных, Часть налога же идет как раз на заполнение этого склада, иной раз самим продовольствием. Все одно будут стараться хитрить и налоги утаивать, а так, вроде и не со своими кровными расстанутся купцы. Не золото в казну отдать, а пару мешков муки, да еще чего, съедобного, что еще продать нужно суметь.

– А что там за строение? – Мария указала на приземистый дом, стоящий как раз у ворот, которые в гарнизон вели.

– Это магазин гарнизонный, там прошлогодний запас продают, да подешевле, чем у купцов в лавках. А на вырученные деньги новое закупают, ну и, как я уже говорил, в виде налогов притащат, – Ломоносов задумался, а затем повернулся к Марии. – Ваше величество, а как вы думаете, для чего эти склады?

– Чтобы в голодный год населению еду раздавать. – Говоря это, Мария, тем не менее сомневалась, потому что знала мужа и не думала, что все так просто, как кажется.

– Так-то оно так, да не совсем, – Ломоносов хитро улыбнулся. – Петр Федорович сказал, что лично руки тому отрубят, кто попытается дать в лихую годину хоть плоску муки просто так. Он говорит, что то, что достается бесплатно, не ценится никем. Так что также продавать будут. Но на то она и лихая година, что не все смогут купить, поэтому будет введен расчет отработкой. Уж работы в городе всем хватит. Да и не только в городе, а и во всем поместье. Хоть улицы мести, а то, не все горожане приказы выполняют и следят за тем что у их домов творится.

– Петр Федорович говорил, что введет должность такую, дворник. Именно, чтобы и улицы мел и за порядком следил, не только за чистотой. Самым младшим полицейским чином хочет он этих дворников сделать, – Мария вздохнула. Идея казалась ей чудной, но она поклялась во всем поддерживать мужа, и не собиралась от своей клятвы отступить. – Он хочет жалованье им положить, и именно на этой почве никак не мог с Елизаветой Петровной прийти к общему окончательному решению. – Ни она, ни Ломоносов не были до такой степени набожны, чтобы начать креститься, но молчанием они память покойной императрицы почтили.

– Я считаю, что идея хорошая, надо только её хорошенько обдумать, – наконец, произнес Ломоносов, распахивая перед Марией дверь большего, высотного здания. – Прошу, ваше величество, вы обязательно должны оценить нашу будущую гордость, наш университет.

Мария прошла по мраморным плитам пола, и невольно задержала дыхание, запрокинув голову, разглядывая теряющийся в высоте потолок. Выложенная на потолке картина звездного неба переливалась, когда на нее падал свет, словно звезду и в самом деле смотрели на них с небес, складываясь в созвездия.

– Как красиво, – прошептала Мария. – И как необычно. Фрески обычно рисуют, а здесь я не могу понять, как сотворена эта впечатляющая картина.

– Её сложили из стекла, разного окраса, – Ломоносов так же, как и она поднял взгляд к потолку. – И, заметьте, все стекло было сделано на фабрике его величества, Петра Федоровича. Мне совсем недавно удалось достичь такой насыщенной синей окраски стекла.

– А вы не лишены тщеславия, господин Ломоносов, – Мария улыбнулась, и принялась рассматривать стены, с вылепленными из белой глины узорами.

– Так разве же это плохо, ваше величество? – Ломоносов удивленно взглянул на неё. – Как по мне, а в ученом обязательно должны расти побеги тщеславия, ведь каждый из нас надеется остаться в веках, в своих открытиях, в своих статьях, а то и многотомных трудах.

– Или же в прекрасной картине, которую выложили из изобретенного вами стекла. Что бы еще не сделали, а я верю, господин Ломоносов, что вас ждет блестящее будущее, вы уже сохранитесь в веках, – Мария снова улыбнулась, а Михаил Васильевич расправил плечи, и поклонился.

– Спасибо на добром слове, ваше величество. – Сказал он, когда распрямился. – Не хотите посмотреть галерею? К сожалению, она одна, кроме холла, уже отделана достаточно хорошо. В остальных помещениях: и в лекционных аудиториях, и в лабораториях, и в классных комнатах, пока идет отделка.

– Думаю, Михаил Васильевич, я покажу её величеству галерею, тем более, что я подарил для неё несколько картин из коллекции клуба, – к ним подошел Ушаков и, поклонившись, галантно выставил локоть, на который Мария, немного поколебавшись, положила пальчики.

– Я слышала, что коллекции вашего клуба могут позавидовать многие истинные коллекционеры. – Сказала она, когда вместе с Ушаковым поднималась по широкой мраморной лестнице к галерее, которая огибала практически весь холл и делала волшебный потолок ближе, увеличивая возможность рассмотреть его во всех подробностях.

– О, я совершенно не стремлюсь к этому, ваше величество, – Андрей Иванович лишь мельком взглянул на потолок. Его красота совершенно не волновала главу Тайной канцелярии. – Входя в раж, люди способны проиграть многое, на кон ставят даже картины, в своем желании отыграться.

– Азарт часто приводит к неожиданным последствиям, – согласно кивнула головой Мария. – Почему вы решили встретиться со мной именно здесь, Андрей Иванович? Более странного места для частного разговора сложно представить.

– Потому что, ваше величество, я даже уже казематам Петропавловской крепости не доверяю, – мрачно сообщил ей Ушаков. – С этим заговором какая-то нелепая бессмыслица происходит, и это меня, если честно, приводит в ярость.

– С каким заговором? Который вице-канцлер решил организовать? – Мария почувствовала приближающуюся мигрень. Все эти разговоры про заговоры её чрезвычайно нервировали, она просто болеть начинала, когда представляла себе, что Петр может вернуться в самый разгар попытки переворота. И, как бы сильно она не хотела его видеть, сейчас она надеялась на то, что его непременно задержат какие-нибудь неотложные дела, и он сможет выбраться лишь тогда, когда все мятежники уже будут сидеть в пресловутых казематах Петропавловской крепости.

– С заговором нашего драгоценного вице-канцлера все понятно и просто, можно даже сказать, что скучно. Тем более, что с тех пор, как лорд Кармайкл так опрометчиво решил поохотиться на медведя, господин Бестужев несколько дезориентирован и не знает, что нужно делать. Я же его совсем не тороплю, пускай подумает и решит, что в итоге ему важнее, – Ушаков оперся на трость, а Мария отпустила его руку и подошла к картине, совершенно не видя и не понимая, что же на ней нарисовано.

– Тогда, речь идет о том другом заговоре, о котором вы мне намекали, – так и не поняв, что перед ней за картина, Мария резко повернулась в Ушакову. – Это из-за него вы предложили встретиться здесь? – Когда она получила послание от Ушакова утром, то долго не могла понять, зачем ему такие сложности, а оказывается, Андрей Иванович подозревал, что кто-то из её двора замешан в заговоре против Петра.

– Видите ли, ваше величество, трудность заключается в том, что заговор вроде бы и есть, а заговорщиков нет, – он развел руками. – С другой стороны, все это жутко злит не только меня, но и нашего вице-канцлера, который так же, как и я, не может понять, что творится в Петербурге. – Он замолчал, разглядывая стену, но также, как и Мария не видя картины. – Я решил поговорить с вами, ваше величество, именно здесь, чтобы просить об одном весьма деликатном деле. посматривайте, ради всего святого, по сторонам, и, если поведение кого-то из ваших приближенных, будет вас настораживать, сразу же передайте об этом вашему покорному слуге, – и Ушаков поклонился. – Даже, если просто кто-то из вашего, надо сказать, пока весьма малочисленного двора, будет вести себя не так, как обычно, об этом тоже отпишите мне.

– А если кто-то начнет вести себя необычно не потому что погряз в заговорах, а по велению сердца? – Мария внезапно услышала какой-то шум внизу и невольно нахмурилась.

– Я разберусь, какие там веления сердца, – Ушаков проследил за её взглядом, направленным на холл, который был едва виден сквозь перила. – Что это за шум?

Не успел он произнести последнее слово, как в холл, выехало какое-то рычащее устройство, исторгающее пар, и громыхающее по драгоценному мрамору. Навстречу устройству выбежал, маша руками Ломоносов.

– Вы что, сукины дети, устроили? Вы что хотите холл разворотить? – заорал он, а устройство, напоминающее странного вида повозку, остановилось и откуда-то из его глубины выскочил Эйлер.

– Вы видите, мой неверующий друг, она поехала, и поехала довольно шустро!

– А что, испытывать эту махину на улице вам кто-то запретил? – зло высказывал Ломоносов знаменитому ученому, который не обращал никакого внимания на его неуважительный тон.

– Там зима и снег, – поджал губы Эйлер. – Да и вообще, вы первый говорили, что у меня ничего не получится!

– Боже, вы видели? – Мария, пребывая в сильном волнении схватила Ушакова за руку. Как и ученые, от избытка чувств она перешла на свой родной немецкий язык. – Андрей Иванович, вы видели? Эта повозка сама ехала, её никто не толкал, и в нее не запряжены лошади.

– Я все видел, ваше величество, – Ушаков похлопал по руке Марии, которой она все еще держалась за его руку. – Если вы позволите, мы можем спуститься и узнать, каким образом у господина Эйлера получилось это сделать.

Они спустились вниз как раз в тот момент, когда Ломоносов начал тыкать пальцем в пол и орать, что Эйлер едва не уничтожил пол, и от его стараний могло получиться лишь хуже, потому что открытие университета откладывалось бы, и его величество вряд ли был доволен подобным положением дел.

– Михайло Васильевич, прекрати на время пенять уважаемому Эйлеру, а лучше поведите нам с её величеством, как у нас получилось это диво, – пока Мария собиралась с мыс-

лями, чтобы правильно сформулировать вопрос, потому что мысли её в этот момент путались, Ушаков уже задал необходимые вопросы.

– О, ваше величество, вы видели, как под действием силы пара двигается эта повозка? – тут же устремился к Марии Эйлер, которого тоже переполняли чувства, и он никак не мог сосредоточиться и все рассказать так, чтобы не слишком сведущая в силе пара Мария, а точнее вовсе не сведущая, поняла.

– Тьфу, ты, – Ломоносов сплюнул так, что плевок попал точно на колесо повозки. – Вот что, Леонард Паулевич, ступай себе, да механизм свой заведи, а я все подробно её величеству и Андрею Ивановичу расскажу. И нет, не ехать, а работников кликнуть и утащить это чудо в мастерскую.

– Вот теперь ты веришь, – Эйлер ткнул пальцем Ломоносова в грудь и поспешил искать работников, которые помогут ему утащить машину, чтобы начать над ней более плотную работу.

– Рассказывайте, Михаил Васильевич, не томите, – Мария проводила взглядом повозку, вокруг которой хлопотал Эйлер и посмотрела на Ломоносова.

– Так, ваше величество, Петр Федорович, отдал распоряжение, что все задумки мастеровых и инженеров мы должны проверять и по их чертежам пытаться сделать то, что они там изобразили. – Мария кивнула. Это распоряжение Петр отдал во время их поездки по России. – Дело чаще всего касалось разного усовершенствованного инструмента, а тут Ползунов Иван Иванович прислал чертежи механизма, цельной машины, для плавильных печей. Работающую под действием пара. Мы с Эйлером начали в ней разбираться, очень толковая вещь получалась. И вот, вместо того, чтобы машину до ума довести, да, опробовав, Ползунову отправить, чтобы он уже испытания полноценные проводил, Эйлер зажегся мыслью использовать часть механизма, соединить с изобретением Ньютона и Папи, и создать повозку, которая под действием силы пара будет передвигаться. Как вы видели, ему удалось, но зачем только что уложенный мрамор портить? – и Ломоносов злобно посмотрел в ту сторону, где скрылся Эйлер. Мария же, внимательно слушавшая его, задумчиво посмотрела в ту же сторону.

– Андрей Иванович, а не могли бы вы приставить у будущему университету своего человека? – Ушаков кивнул, но не преминул удивленно посмотреть на неё. – Чтобы никто, ни одна живая душа не смогла разболтать об этой чудо-повозке, по крайней мере, пока Петр Федорович не вернется?

– Хорошо, ваше величество, я сделаю все, как вы пожелаете, – и он развернулся и пошел куда-то вглубь здания, где и так слонялось несколько соглядатаев из Тайной канцелярии, которые ничего по мнению начальства не делали. Мария же посмотрела на Ломоносова.

– Отведите меня к карете, господин Ломоносов, мне нужно вернуться домой.

У меня сложилось, возможно, неверное мнение о том, что я застрял в Польше. Точнее, я застрял конкретно в Варшаве. Сначала я долго решал проблему Чернышева, который, похоже, принял мое пожелание соблазнить польскую королеву как призыв к действию. При этом он был настолько хорош, что я очень долго убеждал Софию оставить эти бредовые идеи и начать уже выпутываться из сложившейся весьма некрасивой ситуации. Потом пришлось долго уламывать Марию Жозефу, которая оказалась весьма упертой женщиной, и ни в какую не желала выдавать дочурку за какого-то графа. Только намек на то, что с таким отношением она вообще ни за кого своих дочерей больше не выдаст, дал определенный результат. Особенно после того, как она получила официальный отказ от французского двора. Подумав, она очень неохотно дала согласие на этот брак. Марию Жозефину никто не спрашивал, так что с этой стороны проблем не предвиделось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.